

*Валерий Ленахин
(Сегед, Венгрия)*

НЕПУШКИНСКИЕ ПУТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Статье Семена Франка «Пушкин как политический мыслитель» в этом году исполнилось 75 лет. Она вышла в Белграде в памятном для России 1937 году.

Задачу, которую поставил перед собой Франк, не назовешь легкой. С одной стороны, нельзя было не заметить, что у поэта довольно часто встречаются суждения относительно политики, к тому же он отдал несколько лет недолгой жизни историческим трудам. С другой — в общественном сознании закрепилось ложное мнение об отсутствии у Пушки-

на четкой системы политических взглядов. Так ли это? Франк стер это белое пятно в пушкиниане и сделал это настолько удачно, грамотно и профессионально, что его работа до сих пор не потеряла своего значения, а в некотором смысле именно сейчас — в эпоху всеобщей политизированности — приобретает особое звучание и актуальность, «воскресает к новой жизни», как выразился сам Франк.

Мне кажется, что говорить только об этой статье Франка о Пушкине не совсем верно. Надо бы взять все пять блестящих статей религиозного мыслителя о поэте: «Религиозность Пушкина» (1933), «О задачах познания Пушкина» (1937), «Пушкин об отношениях между Россией и Европой» (1949), «Светлая печаль» (1949) и названную статью (1937). Эти этюды создают тот необходимый фон, который подтверждает глубину и точность характеристики политических взглядов Пушкина, по-

скольку в гармоничном мирозерцании поэта все было взаимосвязано: его эстетические, религиозные, исторические, политические и общественные взгляды.

О политических взглядах Пушкина писали и ранее. В массовом советском пушкиноведении само собой разумелось, что поэт по своим убеждениям был тайным антимонархистом, декабристом и т.д. В более осторожных работах авторы избегали таких прямолинейных и примитивных суждений об историко-политических взглядах Пушкина, но при этом оставались на уровне частных наблюдений, а взгляды поэта нередко реконструировали на основе его отдельных высказываний, выхваченных из контекста. Вместе с тем и ныне, как всегда, важно учитывать, к какому периоду творчества Пушкина относится то или иное высказывание, в каком контексте оно сделано, в каком тексте: в историческом труде или наброске, в стихах или прозе, в журнальной статье или личном письме. Наконец, высказывается ли суждение в обдуманной форме или является замечанием, сделанным в сердцах, под влиянием минуты. Все эти факторы впервые учел Франк.

Если мы хотим по-настоящему понять какое-либо явление, следует начать с исторического подхода, с истории вопроса. И вот перед читателем плод такого взвешенного подхода. Франк выделяет пять периодов в творческой эволюции политических взглядов Пушкина, которые не всегда совпадают с периодизацией художественного творчества поэта и мыслителя (хотя сам Франк утверждает обратное) [3, с. 31]. И только после этого дает картину развития историко-политических взглядов Пушкина, при этом, цитируя поэта, в каждом случае отмечает дату, а также источник цитаты: письмо, стихотворение, статья и т.п. Франк стремится выявить внутреннюю логику политического развития Пушкина. Сложность здесь в том, что поэт не оставил теоретического изложения своих взглядов, и работа Франка как бы приводит в систему разбросанные в разных пушкинских текстах отрывки своеобразного живого, развивавшегося на протяжении двух десятилетий комплекса политических взглядов поэта.

Прав ли оказался Гоголь, говоря о том, что Пушкин явил собой такой духовный тип русского человека, который осуществится лишь через двести лет. Скоро исполнится двести лет этому изречению Гоголя. Осуществился ли такой тип? Увы, нет. Исполнение гоголевского пророчества придется отодвинуть еще на двести лет. Пушкин и до сих пор остается недосягаемо впереди и как духовная личность, и как поэт, и, согласно работе Франка, как политический мыслитель [Там же, с. 28]. Об этом говорит хотя бы то, что Пушкин в этом отношении остался недооцененным в русском общественном, историческом и поли-

тическом сознании, о чем мимоходом замечает Франк. Но разве ныне, почти через сто семьдесят пять лет после убийства поэта и через семьдесят пять лет после работы Франка, положение с достойной оценкой политических взглядов Пушкина изменилось? Риторический вопрос. Так в чем же дело? Неужели кому-то невыгодно говорить о взглядах Пушкина на политику, тем более что у поэта такой непоколебимый авторитет в русском общественном сознании? Проще, сославшись на три-четыре высказывания поэта, произвольно причислить его к какой-нибудь «партии», чаще всего говорится о либеральной. А в последнее время небрежно и мимоходом, но все настойчивее отмечается, что Пушкин не был историческим и политическим мыслителем, что это натяжка говорить о его таланте и в этой области. Но ведь работа Франк много лет назад убедительно опровергла такое мнение. Или же здесь дело в том, что Пушкин все еще впереди по уровню своего политического мышления? Или это происходит потому, что русская государственность пошла другими, «не пушкинскими» путями, как полагает Франк [Там же, с. 30]. Скорее, и то, и другое, и третье.

Сегодня в эпоху воинствующего либерализма невыгодно говорить о Пушкине потому, что он первым дал убийственную характеристику русского либерализма, точную и корректную, которая как никогда актуальна сегодня. В дневнике Н. А. Муханова рассказывается, как А. П. Толстой, критикуя одну статью, заметил, что в трудах некоторых русских писателей видна «оппозиция не правительству, а Отечеству». Пушкину эта мысль понравилась, и он решил, что об этом надо сделать журнальную статью. «Пушкин и Толстой очень сошлись мнениями», — замечает Муханов [Там же, с. 44]. Эту идею оппозиции русского либерализма по отношению не к порядку вещей, не к правительству, а к самой России, к ее государственности позже подхватил Достоевский в романе «Бесы», вложив ее в уста Степана Трофимовича [1, т. 7, с. 36]. Но к тому времени это явление обнажилось и не вызывало сомнений, Толстой же и Пушкин отметили его еще в начале 30-х годов XIX века. Позже в частном письме Пушкин, опасаясь, что его заподозрят в неблагодарности, обронил такое сравнение: это, т. е. неблагодарность, «хуже либерализма» [3, с. 41].

С. Франк справедливо замечает, что «вплоть до революции 1917 года русская политическая мысль шла путями совершенно иными, чем политическая мысль Пушкина» [Там же, с. 30]. Но совершенно очевидно, что и после большевистского переворота русская общественная и политическая мысль шла не пушкинскими путями, ведь и само общество было насильственно повернуто на другой, далеко от Пушкина уводящий путь.

Так в чем же состояла политическая мысль позднего Пушкина? С. Франк начинает с общих, я бы сказал, эмоциональных оценок. Пушкин являлся «совершенно оригинальным и, можно смело сказать, величайшим русским политическим мыслителем XIX века» [3, с. 31]. Далее Франк говорит более подробно и определенно. Первый период в политических воззрениях Пушкина определяется сочетанием патриотического подъема, вызванного Отечественной войной и возвращением русской армии из Европы в 1815 году, с неопределенными «вольнoлюбивыми мечтами». При этом взгляды Пушкина на этом этапе Франк называет умеренными: освобождение крестьян, конституционная монархия, господство «вечного закона» даже над царями. Кишиневская ссылка представляет собой с точки зрения политических взглядов поэта некое противоречие: с одной стороны, увлечение Пестелем, «политический радикализм», высказанный в стихах и письмах, с другой — убедительная критика царствования Екатерины II в «Исторических заметках 1822 года». Здесь интересно сделанное мимоходом замечание Франка относительно того, что отношение Пушкина к Петру и его преобразованиям исходило из сравнения первого русского императора и его наследников [Там же, с. 33]. Конечно, достойных продолжателей у Петра не нашлось, и на фоне их он выглядел исполином. Не буду пересказывать критику Пушкиным екатерининского царствования, она широко известна, отмечу лишь, что поэт первым верно оценил гонения на духовенство и монашество, а ведь именно им Россия, по словам молодого поэта, обязана своей «историей, следовательно и просвещением» [Там же, с. 34].

Позже, как отмечает Франк, в одесский период происходят изменения в политическом настроении поэта. В его размышлениях проскальзывают первые критические замечания в адрес ходячего типа «русского либерального общественного мнения — в известном смысле пророческие в отношении позднейшей формации русской радикальной интеллигенции» [Там же, с. 36]. Не случайно Франк цитирует письмо Пушкина к А. И. Тургеневу. В нем поэт так отзывается о финале своего стихотворения, посвященного смерти Наполеона: «Это мой последний либеральный бред» [Там же]. Итак, критическое отношение Пушкина к либерализму возникает еще в начале 1820-х годов. Франк выделяет разочарование Пушкина в действительности пропаганды свободы, вместе с тем философ проницательно отмечает, что свобода для Пушкина была в большинстве случаев свободой высказывать свое мнение и свободой печати, отсутствием контроля и цензуры, а не свободы в ее понимании французской революцией.

В этот период Пушкин встречался с писателем консервативно-монархического направления Стурдзой, с которым поэт вошел в приятельские отношения и даже в одном письме счел нужным сообщить адресату, что кое о чем они со Стурдзой думают одинаково [3, с. 36–37]. Не менее интересен для этого периода эпизод с письмом об атеизме. В нем, рассказывая об английском философе-атеисте, Пушкин замечает, что тот был «единственным умным афеем, которого я еще встретил». Нередко эти слова толкуют так, что этот атеист был единственным умным человеком, которого в то время встретил поэт. Но из контекста ясно, что Пушкин имеет в виду, что этот англичанин, единственный из всех встреченных Пушкиным атеистов, оказался умным [Там же, с. 37]. Так что это не похвала атеистам, а, скорее, упрек.

Созревание политических взглядов Пушкина, их эволюцию в сторону консерватизма Франк относит к периоду уединения в Михайловском, т. е. к середине 1820-х годов. При этом Франк не опускает и других высказываний поэта, которые, казалось бы, противоречат концепции философа. Он приводит несколько критических суждений и в адрес правительства, и в адрес Александра I, и в адрес русской истории, но все они вызваны чувством одиночества в ссылке, раздражением и отчаянием. По большому счету, главным произведением этого периода надо считать «Бориса Годунова», справедливо пишет Франк. Он замечает: «Изучение истории Смуты приводит его [Пушкина] к одному убеждению, которое является позднее основополагающим для его политического мировоззрения, — к убеждению, что монархия есть в народном сознании фундамент русской политической жизни... Погружение в русскую политическую историю XVI–XVII веков углубило и собственное политическое мировоззрение Пушкина» [Там же, с. 38–39].

Франк всегда удачно отделял главное от второстепенного, важное от мимоходного и случайного. От этого путь развития политических взглядов Пушкина становится более логичным, последовательным. Приведу такой пример. Пушкин в личной беседе говорит Николаю II, что если б он был в Петербурге, то оказался бы на Дворцовой площади. Но как следует понять эти слова? Вот ответ, который дает Франк: это значит только то, что поэт не мог отречься от друзей декабристов. Из солидарности и во имя дружбы он пошел бы с ними на площадь. Но это вовсе не означает, как это пытаются иногда доказать, что он полностью разделял их взгляды [Там же, с. 39]. Некоторые письма Пушкина свидетельствуют об обратном. Например, Вяземскому всего через полгода после восстания он писал: «Бунт и революция мне никогда не нравились» [Там же, с. 40]. Франк приводит и другие свиде-

тельства подобного отношения Пушкина к насилию и революциям. А к декабристам поэт высказал свое отношение в «Евгении Онегине». Ссылаясь на письмо Пушкина к Дельвигу, Франк следующим образом суммирует взгляды на декабризм: «Уже тогда (в 1826 году. — В.Л.) в Пушкине, очевидно, выработалась какая-то совершенно исключительная нравственная и государственная зрелость, беспартийно-человеческий, исторический, "шекспировский" взгляд на политическую бурю декабря 1825 года» [3, с. 40]. Итак, нравственная и государственная зрелость и беспартийно-человеческий, исторический взгляд на событие. Франк имеет в виду восстание, но то же самое можно сказать о воззрениях Пушкина на историю в целом. Слово «шекспировский» появилось в этом высказывании потому, что в упомянутом письме к Дельвигу Пушкин противопоставляет «односторонность» французской трагедии и широту и глубину трагедии шекспировской. Итак, события декабря для Пушкина — трагедия, но задача историка взглянуть на нее в контексте истории России, в свете дальнейших путей развития русской государственности.

С. Франк взвешенно описал и оценил отношения Пушкина с Николаем I. В записке «О народном образовании» царь обнаружил увлечение «безнравственным и беспокойным» Просвещением [Там же, с. 41]. Это замечание Николая I часто преподносят как свидетельство личной цензуры со стороны царя и навязывания Пушкину определенных взглядов. При этом само собой считается, что Просвещение — это хорошо, и такая его оценка не подлежит обсуждению. Однако Просвещение, прикрываясь лозунгами о решающей роли разума и науки в познании «естественного порядка», развернуло неслыханную идеологическую борьбу против христианства, против государственности, и следствием этой борьбы стала жестокая и кровавая французская революция, лозунги которой призывали вешать людей только за одну принадлежность к определенным сословиям. Не напоминает ли это большевистский переворот 1917 года? А. Солженицын в своей блестящей статье однозначно ответил на этот вопрос. Поэтому высказывание Николая I надо понимать в этом широком плане: царь в ту пору видел дальше поэта и просто предостерегал его от увлечения идеями Просвещения.

Рубежом, после которого можно говорить о зрелой политической мысли Пушкина, Франк справедливо считает 1826 год. «Политическое миросозерцание» Пушкина, начиная с того периода, предстает как «глубоко государственное, изумительно мудрое и трезвое сознание, сочетающее принципиальный консерватизм с принципами уважения

к свободе личности и к культурному совершенствованию» [3, с. 42]. Созревание политической мысли поэта Франк ставит в прямую связь с увлечением Пушкина отечественной историей. Для философа нет сомнений в том, что Пушкин был «прирожденным историком».

Вторую часть своей статьи Франк начинает также декларативным соображением: «Общим фундаментом политического мировоззрения Пушкина было национально-патриотическое умонастроение, оформленное как государственное сознание. Этим был обусловлен прежде всего его страстный постоянный интерес к внешнеполитической судьбе России. В этом отношении Пушкин представляет в истории русской политической мысли совершенный уникам среди независимых и оппозиционно настроенных русских писателей XIX века» [Там же, с. 43]. Ниже Франк показывает, какие именно взгляды или высказывания Пушкина подтверждают это мнение, и делает это, как всегда, убедительно.

Франк справедливо замечает, что сверстникам Пушкина из числа оппозиционно настроенной интеллигенции уже тогда были свойственны «сентиментальный космополитизм и государственное безмыслие» [Там же, с. 43–44]. (Позже, в канун русских революций эти две черты либеральной оппозиции проявились в полную силу.) Пушкин же, начиная со второй половины 1820-х годов, не изменял государственно-патриотическому настроению ни в статьях, ни в поэзии, ни в письмах. Трезвость Пушкина проявилась, например, в его отношении к польскому восстанию и польскому вопросу в целом. Он занял позицию, которую осудили его друзья, такие как Вяземский или А. Тургенев. Франк точно формулирует ее суть: у Пушкина сурово-трезвое понимание государственных интересов России одержало верх над поэтически-романтическим ощущением трагической стороны польского восстания [Там же, с. 44].

Франк выделил еще одну важную черту в политических взглядах Пушкина: поэт сторонился всякой партийности, чтобы не быть связанным партийными или политическими догмами [Там же, с. 46]. Так же, как в своей поэзии и всем творчестве, он хотел оставаться свободным. Поэтому политическое мировоззрение Пушкина свободно развивалось, взгляды его менялись, эволюционируя в сторону консерватизма, патриотизма, государственности, самодержавия, монархизма. Особенность консерватизма Пушкина, как уточняет Франк, состояла в том, что он сочетал его с «требованием свободного культурного развития, обеспеченного правопорядка и независимости личности» [Там же, с. 42]. Подводя итог, Франк пишет: «Консерватизм Пушкина слагается

из трех основных моментов: из убеждения, что историю творят — и потому государством должны править — не "все", не средние люди или масса, а избранные, вожди, великие люди; из тонкого чувства исторической традиции как основы политической жизни; и наконец, из забот о мирной непрерывности политического развития и из отвращения к насильственным переворотам» [3, с. 47]. Думаю, вряд ли кто осмелится оспорить с фактами и цитатами в руках эти выводы Франка. Они бесспорны, точны и глубоки; их противники могут противопоставить лишь демагогические рассуждения об обратном.

На этих трех китах зиждется, как пишет Франк, отрицание Пушкиным демократии, которую поэт называет «отвратительной властью». В статье «Джон Теннер» Пушкин провозгласил: «С изумлением увидели демократию (по книге Д. Теннера. — В.Л.) в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве» [2, т. 7, с. 298]. Удивительные прозрения! Величайший поэт вполне резонно еще 180 лет назад осудил демократию во всех ее тогдашних видах и проявлениях. Ныне же, выхолостив реальное содержание понятия, его сделали пустым лозунгом и вместе с тем священной короной либералов и демократов; во имя «демократии» разрушаются целые страны, стравливаются между собой народы и религии, размывается государственность и попирается суверенитет. И против такой «демократии» слова нельзя сказать, иначе зашлюют и подвергнут остракизму. Мир, конечно, не услышал пророческой оценки Пушкина. Да и Россия в своей истории пошла не пушкинскими путями. Впрочем, русская словесность также все дальше уходит от пушкинских путей, от пушкинских заветов.

И еще один вопрос, который ставит и точно решает Франк. Вопрос актуальный сам по себе и особенно актуальный ныне, когда перед нами плоды двадцатилетнего отсутствия в России цензуры. Итак, цензура. Казалось бы, Пушкин, настрадавшийся от ее придинок, написавший столько эпиграмм в адрес цензоров, должен быть противником цензуры. Однако и в этом вопросе он показал свою мудрость и зрелость. Франк следующим образом формулирует свои наблюдения относительно взглядов Пушкина на цензуру. Пушкин не сомневается в праве цензуры оберегать государственный порядок и общественную нравственность от злоупотреблений печати (надо сегодня добавить: от радио и телевидения). Далее, Пушкин всегда отграничивал цензурный контроль от эстетической и моральной опеки. Он лишь против вмешательства цензуры в личную духовную жизнь писателя, в его творчество, в его эстетические взгляды [3, с. 550–551].

В заключение напомним одну мысль Франка из его статьи 1949 года «Пушкин об отношениях между Россией и Европой». Философ завершает ее следующим выводом. У Пушкина была гениальная способность примирять противоположности. Его взгляд на историю и политику был синтетичным. Перед Чаадаевым он защищал ценность и самобытность русской истории и культуры, перед славянофилами — все то великое, что есть в западноевропейской культуре [3, с. 107]. В своем универсальном мировосприятии и мирочувствии гений Пушкина стремился примирить славянофильство и западничество, на что указывал еще великий последователь гениального поэта Достоевский в своем очерке «Пушкин» [1, т. 10, с. 457, 458].

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Собр. соч. : в 10 т. М., 1956—1958.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. Л., 1978.
3. Франк С. Л. Этюды о Пушкине. Париж, 1987.